

С. Петербургъ Декабря 25го дня 1839 года.

Милостивый Государь
Любезнѣйшій Дядинька,
и Милостивая Государыня
Любезнѣйшая Тѣтинька!

Продолжительное, ничѣмъ не оправдываемое и не извиняемое молчанье мое, могло показаться Вамъ, Любезнѣйшіе Дядинька и Тѣтинька, страннымъ, непонятнымъ, непростительнымъ, грубостію противъ Васъ, и, наконецъ, черною неблагодарностію. – Беру перо, но не для того чтобы оправдываться; нѣтъ! я знаю что вина моя, какія бы обстоятельства не извиняли ее, далеко ниже оправданій. – Да и могу ли еще надѣяться что мои оправданья будутъ приняты? Скажу одно: если искреннее, откровенное признанье мое, попытка объяснить мой проступокъ предъ Вами, удостоятся хотя не многого вниманья Вашего, то я почту себя счастливымъ; ибо возвращу то чего не надѣялся возвратить – хотя малѣйшее вниманье и разположенье Ваше ко мнѣ. –

Поступивъ въ Гл. Ин. Учил., занятія, новость и разнообразіе

// л. 1

новаго рода жизни, все это развлекло меня на нѣсколько времени – и вотъ единственная эпоха, въ которую совѣсть тяжко упрекаетъ меня за забвенье моихъ обязанностей, въ моемъ тяжкомъ проступкѣ предъ Вами, въ моемъ молчаньи; не чѣмъ объяснить его! нѣтъ для него оправданій! развѣ кромѣ моей странной разсѣянности?..

Знаю что это признанье въ разсѣянности много унижаетъ меня въ глазахъ Вашихъ; но я долженъ снести и снесу стыдъ свой; ибо я заслужилъ его. – Напоминанья и приказанья покойнаго родителя моего, прервать мое странное молчанье съ тѣми изъ родственниковъ, которые столь часто осыпали насъ благодѣяньями, заставили меня вникнуть въ проступокъ мой, и я увидалъ себя въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, въ отношеньи къ Вамъ Любезнѣйшіе Дядинька и Тѣтинька. – Кромѣ тяжелой вины моей, – разсѣянности, я увидѣлъ что мой проступокъ можетъ принять видъ болѣе мрачный, видъ грубости<,> неблагодарности... это привело меня въ замѣшательство, смущенье...

Разумѣется это смущенье должно было не долго

// л. 1 об.

продолжаться; исправить вину мою было первымъ дѣломъ, первою мыслию моею; но одна мысль что я нарушилъ первѣйшія обязанности мои, что я не исполнилъ моего долга, положеннаго на меня самою природою[:];// эта мысль уничтожила меня. – Я не держался правила многихъ что бумага не краснѣетъ и что два, три пошлыхъ извиненья (въ неимѣнныи времени и т. п.) будутъ достаточны для поправленья ошибки, я краснѣлъ заочно, досадывалъ на себя, не зналъ что, какъ, и

съ какимъ видомъ буду писать къ Вамъ; я бралъ перо и бросалъ его, не докончивъ письма моего; Я молю, заклинаю Васъ любезнѣйшіе Дядинька и Тетинька вѣрить этому; это чистыя изліянья раскающагося сердца; это смущень[я]/е/ и тягостное положенье моего къ Вамъ было причиною моего столь долгаго молчанья. –

Горестная смерть отца моего и благодаренья, Вами оказанныя семейству нашему, благодаренья, за которыя даже не знаю какъ научиться быть благодарнымъ Вамъ, это возбудило во мнѣ чувства, которыя

// л. 2

возбудили во мнѣ въ большей степени все прежнее, и чувства стыда, и муки разкаянья. – Чувствую вину мою; не смѣю надѣяться на прощенье; но величайшею милостию для меня было бы, еслибы Вы позволили мнѣ писать къ Вамъ, или хоть къ сестрѣ моей, отъ котор[ы]/о/й я бы могъ узнавать о всемъ томъ что дорого сердцу моему; новый годъ, котораго я встрѣчаю желаньемъ блага и счастья Вамъ Любезнѣйшіе Дядинька и Тетинька, новый годъ будетъ свидѣтелемъ моего исправленья. –

Постараюсь въ продолженье его заслужить вниманье Ваше изъявленьемъ искренней привязанности моей къ Вамъ, мою благодарностию къ благодареньямъ Вашимъ нашему семейству, и постояннымъ сохраненьемъ того священнаго чувства любви, почтенья и преданности, съ которыми честь имѣю пребыть

покорнымъ и преданнымъ племянникомъ.

Ө. Достоевск<ій>

// л. 2 об.

<Конверт. – Ред.>

Его Высокоблагородію
Милостивому Государю
Александру Алексѣвичу
Куманину.

Въ Москву.

На Покровкѣ, въ приходѣ Козьмы
и Даміана, въ собственномъ домѣ. –

// л. 3